

ди колхозников недовольство колхозной системой, недовольство своим колхозом и т. п.».

Заключается протокол извинением перед Советской властью за то, что «по малограмотности он послушал Малиевского». Далее следует неразборчивая подпись.

Вот и все следствие по обвинению в столь тяжком преступлении, предусматривающим исключительную меру наказания для Макара Шукнина. И ни одного факта вредительства, только показания подследственных.

В деле имеется характеристика сельского Совета, в которой говорится, что «...за время пребывания в колхозе Шукнин относился вредительно к колхозному имуществу». Однако в справке, подписанной председателем колхоза, утверждается, что «к работе в колхозе относился удовлетворительно, актов на него нет». Приобщается опись и оценка имущества М. Шукнина. Оно состояло из избы, стоимостью 200 руб., коровы, стоимостью 130 руб., поросенка — 15 руб., крыши под навесом — 10 руб. Всего на 355 рублей. Небогато.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству собранных улик явно недостаточно, чтобы вынести мотивированное постановление о привлечении М. Л. Шукнина и других лиц в качестве обвиняемых. Однако сотрудник ОГПУ Садовский, с согласия своего начальника Жабрета, 24—27 марта и 3 апреля 1933 года выносит три Постановления о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения. К ним прилагаются списки в первом случае на 52 обвиняемых, во втором — на 27 и в третьем — на 69 человек. Среди последних значится и М. Л. Шукнин.

Для большей убедительности к делу приобщается список изъятого оружия — 118 стволов, из них 116 — охотничьи, одноствольные дробные ружья — берданки. Прилагается и их фотография. Было изъято такое ружье и у М. Л. Шукнина. Все это позволило следствию прийти к выводу, что готовилось «вооруженное восстание».

Очень примитивно, без указания конкретных виновников, был установлен ущерб, нанесенный «вредительской группой». Пшеницы испорчено и расхищено — 1400 кг, овса — 100, проса — 200, арбузов — 100, меда — 50, шкур овечьих — 100 штук, разбито ульев с пчелами два и т. д., всего 13 наименований.

Сотни протоколов допросов похожи друг на друга, как две капли воды. Первый допрос с отрицанием вины, а через три, четыре дня «щетосердечный» рассказ с подробностями о вербовке, вредительстве и прочих грехах не только в отношении себя, но и других.

Что мог прочитать Стенан Федорович Карнов, который признал себя виновным и закончил протокол так: «...Больше показать ничего не могу. Записано правильно с моих слов и прочитано. За неграмотностью прилагаю большой палец правой руки?»

13 апреля допрашивается Кукетин Ф. П., колхозник «Коммунара Алтая». Виновным в предъявленном обвинении он себя не признал. В этом же протоколе имеется дополнение: «...Сейчас я решил сказать правду и признаю себя виновным в том, что я состоял членом контрреволюционной подрывной повстанческой организации... Подрыв колхозу я сделал тем, что оставил лошадей на дворе своего дома без присмотра и ее утащили».

Как проводилось «расследование», красноречиво свидетельствует приобщенное к материалам реабилитации письмо бывшего «контрреволюционера» И. Е. Ворогушина, направленное им в 1956 г. на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1933 году. Вместе с ним были арестованы Шукнин Макар Леонтьевич — 1912 года рождения и его два дяди Шукнин Игнатий Павлович — 49 лет и Шукнин Михаил Павлович — 46 лет. Всего тогда было арестовано 65 человек, их погнади пенком в г. Бийск, а оттуда в Барнаул. Ворогушин тоже оговорил себя. Об этом он и пишет Ворошилову из мест заключения:

«...Протокол допроса в Барнауле я все не подписывал, а потом мне угрозили оружием и пришлось подписать — жизнь дороже 10 лет, виновным себя я не признаю и не был виновен, обвинение мне предъявлено ложное, повторяю — подпись я učinил под протоколом допроса под силой оружия».

Ошибается Егор Федорович, в уголовном деле даже нет постановления о предъявлении ему обвинения, а значит, нет и фразы обвинения. Он даже не был допрошен в качестве обвиняемого, а только как свидетель. В протоколе он признает себя виновным в том, что состоял в контрреволюционной подрывной организации, а вовлек его в эту организацию Шукнин и при этом дал установку — всеми мерами вести подрывную работу в колхозе. И тут же небрежно дописано, что Ворогушину объявлено о привлечении его к уголовной ответственности по ст. 58 пп. 4, 7, 11 УК РСФСР. Вот такое упрощение. Оценку ему с позиций законности дать невозможно. Налицо вопиющий произвол.

Такие предъявлялось обвинение другим и объявлялось об окончании предварительного следствия. Вскоре дело было направлено в П. П. ОГПУ по Западно-Сибир-

скому краю и
суальный док
21 апреля 19
ловекам опре
и два его дя
58 человек, 1
ссылки.

Вот как
«...В Бар
шайте, кому
Все до
и после это
Основ
жилл заявл
дательской
Малиевский
и верю тол
Никогда я

Письм
лено в 195
политики
жив ли от

Пров
руках след
В частнос
УНКВД п
по «загов
ской груп
группой
ловек. За
по Камел
ставка с
енной кс
был при
Эти

Были де
их семе
валл, а

Та
в 1956
онной
доброс
полит
револ
матери

П
ного с
полко
майор
тиро
чится

пров
года
нахо
«...of

цпе
для
не
кам

юр